

ББК 76.01

В26

Редакционная коллегия: Л. П. Громова (отв. редактор),
Г. В. Жирков, О. С. Кругликова

Рецензенты: д-р филол. наук А. И. Акопов (Южный федерал. ун-т),
д-р филол. наук Е. И. Орлова (Моск. гос. ун-т)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

**Век информации. Журналистика и войны : к 100-летию
В26** Первой мировой войны : матер. 53-й междунар. науч. конф.
«Средства массовой информации в современном мире. Петер-
бургские чтения». С.-Петерб. гос. ун-т, 23–25 апр. 2014 г. / ред.
коллегия: Л. П. Громова (отв. ред), Г. В. Жирков, О. С. Круглико-
ва. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. ком-
муникаций», 2015. — 274 с.

В сборнике публикуются статьи участников панельной дискуссии «Жур-
налистика и войны». Тематика докладов о роли журналистики в освещении
войны была разнообразной и не ограничивалась временными рамками пе-
риода Первой мировой войны — представлены статьи о разных войнах XIX–
XX столетий. Рассматриваются этапы формирования института военных
корреспондентов, специфика работы журналистов в «горячих точках», мето-
ды информационных войн в вооруженных конфликтах, творческий арсенал
журналистов, пишущих о войне, характер освещения военных событий в
различных периодических изданиях России.

ББК 76.01

Сериальное издание «Век информации» зарегистрировано
в Международном центре ISSN 19 декабря 2012 г.

Издатель Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

ISSN 2306-417X

9 772306 417783 >

© С.-Петерб. гос ун-т,
Ин-т «Высш. шк. журн.
и мас. коммуникаций», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев К. А. Мобилизация спорта и ее освещение в прессе в 1914–1915 годах	7
Авдоница Н. С. Понятие коллективной ответственности в дискурсе оправда- ния войны	19
Бабкина Е. С. Японский оккупационный режим в Маньчжурии и его отраже- ние в детской периодике русской эмиграции	30
Байбатьрова Н. М. Гражданская журналистика и публицистика авторов рус- ского зарубежья периода окончания «холодной войны»	37
Волковский Н. Л. Свобода слова и военная тайна: исторический аспект	48
Гордеева Е. Ю. Читающая Россия в годы Первой мировой войны (по материа- лам книговедческих журналов)	57
Жулякова Н. В. Новые газеты и журналы Томска периода Первой мировой войны ...	68
Жирков Г. В. Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики	77
Ильченко С. Н. Первая мировая война на российском телеэкране: иллюзия достоверности?	97
Киселева А. А., Щербакова Г. И. Фотография как летопись Первой мировой войны	104
Кругликова О. С. Русско-турецкая война 1877–1878 годов на страницах «Днев- ника писателя» Ф. М. Достоевского	112
Кулагина А. А. Публицистика В. И. Немировича-Данченко в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов	125
Куличкина Г. В. Боевые действия в Чечне и проблема факта и правды жур- налистского текста (на примере материалов пермской региональной прессы 1995 года)	137
Лыткина Л. В. Очерк К. Симонова «Дни и ночи» (1942)	147
Патрушева Н. Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России	155
Перевалова Е. В. Русско-турецкая война на Балканах 1877–1878 годов в освещении «Московских ведомостей» М. Н. Каткова	164
Позднякова Е. Г. Тема Великой Отечественной войны на страницах районной печати: история и современность («Колхозная правда», Курганская об- ласть)	174
Семёнова Г. П. «За Россию мыслимую, желаемую и возможную» (публици- стика Л. Н. Андреева в годы войны и революций 1917 года)	183
Сладнева О. В. Визуальное отражение событий Крымской войны в «Русском художественном листке»	194
Сokolova Д. В. Отношения СМИ и правительства США в годы Вьетнамской войны	204

с помощью которого реализовывались транслируемые властью задачи повышения обороноспособности страны. В 1914–1916 гг. идея активного участия спортсменов в защите Родины и переориентации спортивной деятельности в сторону усиления ее военно-прикладного значения была выдвинута через печать самими спортсменами, спортивными организациями и ведущими спортивными публицистами.

Примечания

¹ Сунник А. Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. М., 2004. С. 679–680.

² Дюперрон Г. А. Военная подготовка // *Весь мир*. 1914. № 17. С. 25.

³ Дюперрон Г. А. Мобилизация спорта // *Весь мир*. 1915. № 51. С. 27.

⁴ Ближайшие задачи мобилизации спорта // *Стадион*. 1915. № 2. С. 1.

K. A. Alekseev

St Petersburg State University

SPORT MOBILIZATION AND ITS PRESS EXPOSURE IN 1914–1915 YEARS

The article is dedicated to the media exposure of first experience of sport's and sportsmanship's widespread usage in the interests of state security. The program of Sport mobilization was determined by the necessity of rising national defense capability and was initiated by sport society and sport press.

Keywords: sport, sportsmanship, sport press, sport militarization, preliminary military training.

Н. С. Авдоница

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ ОПРАВДАНИЯ ВОЙНЫ

В статье проводится сравнительный контент-анализ газет за период Первой мировой войны и войны в Афганистане (1979–1989). Основное внимание автор уделяет понятию «ответственность», которое приобретает различные оттенки и интерпретации в зависимости от этапа войны — *до, во время и после*.

Ключевые слова: Первая мировая война, война в Афганистане, историческая память, Архангельск, журналистика.

Николай Бердяев писал, что война — это рефлекс на зло, внутреннюю болезнь человечества, так как «все материальное есть лишь символ и знак духовной действительности, все внешнее есть лишь манифестация внутреннего»¹. Природу войны он понимает не с позиций военной политологии, а философской, полагая, что природа войны — рефлексивная, знаковая, симптоматическая и, наконец, символическая. Начавшуюся в июле 1914 г. мировую войну он воспринимает как признак окончательной болезни человечества, в которой ответственны все без остатка. «Война есть вина, но она также есть и искупление вины»². Это — коллективная ответственность как готовность расплачиваться за несправедную и грешную жизнь, как было написано в архангельской газете «Северное утро»: «наш народ искони смотрит на войну как на кару, ниспосланную за грехи, и эти взгляды сказываются в народных легендах»³.

Цель данной статьи — проанализировать, как интерпретировалось понятие «ответственности» в региональных газетах в начале (*до*), во время и после войны. Для контент-анализа выбраны три издания: «Архангельск» (94 выпуска с июня 1914 по декабрь 1915 г.), «Северное утро» (108 выпусков с июня 1914 по июль

1917 г.) и «Правда Севера» (66 номеров с ноября 1979 по февраль 1993 г.).

Довоенная риторика. Если Николай Бердяев философски размышляет о коллективной вине, искупаемой в «ужасах войны», то политики обычно взывают к чувству коллективной ответственности: страна либо не может оставаться в стороне от конфликта, который представляет собой угрозу или для ее собственной безопасности, или для конкретного региона, либо считает необходимым предотвратить еще большее насилие. Современная военная история дает немало примеров именно такого истолкования ответственности — прежде всего война в Ираке (2003–2011 гг.) или Грузино-Осетинский конфликт 08.08.2008.

Первая мировая война началась для Российской империи 1 августа 1914 г. с объявления войны Германией. За неделю до этого, 20 июля, Николай II выступил с манифестом о поддержке Сербии и переводе армии и флота на военное положение: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для Державного государства требования»⁴. «Братский народ в беде», «Россия-защитница» — обычные образы для прессы первых лет той войны.

Иная риторика звучала в СМИ в период войны в Афганистане (1979–1989): «Введение ограниченного контингента советских войск в Афганистане было совершено в ответ на неоднократную просьбу революционного правительства и находится в полном соответствии с уставом ООН и статьей 4 афганско-советского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве»⁵. Основными причинами оказания всесторонней помощи Демократической Республике Афганистан (ДРА) были: 1) защита и поддержка завоевания Апрельской революции 1978 г.; 2) стратегическое значение Афганистана: на его территории США могут разместить станции слежения за СССР; 3) давние дипломатические отношения между двумя странами. Если Афганистан выбрал путь революции — свержения монархии и строительства нового комму-

нистического государства, для правительства естественно было обратиться за помощью к Советскому Союзу.

Слова об ответственности в советской прессе не звучали так категорично, как это было в российской печати за месяц до Первой мировой войны. Советские лидеры ограничились внешней ответственностью — государственной, сделав упор на идеологическую родственность стран, но не на культурную.

Есть еще важные замечания. Российской империи была объявлена война, поэтому из защитницы она логично превратилась в освободительницу: «Война, которую мы ведем, есть столько же отечественная, сколько и освободительная. Великая Россия освобождается от немцев»⁶. Это была в равной степени как мировая, так и «великая народная война». Чего нельзя сказать о войне в Афганистане: ни Советскому Союзу, ни Афганистану никто войну не объявлял, напротив, это была «необъявленная война» — частое явление в мировой политике после 1945 г. Несмотря на отсутствие ультиматума, всеобщей мобилизации или официального объявления войны, враг был, что выражалось в обычной для того времени риторике — *расширяющееся вмешательство, провокации внешних врагов Афганистана, планы империализма, мировой жандарм, шовинисты, гегемонисты*. Эти эпитеты относились к внешней угрозе, которую, как следовало из СМИ, представляли собой США, Китай, ряд европейских и азиатских стран для Советского Союза и Афганистана.

Политика ответственности и война. В 1960 г. американский социолог Чарльз Райт Миллс писал: «...наша политика должна быть политикой ответственности. Наше основное обвинение против США и СССР состоит в том, что при различных условиях политика обеих стран — безответственна...»⁷. Гонка вооружений, политика сдерживания, взаимное гарантированное уничтожение, недоверие и тревога — всё это порождало страх за безопасность собственной страны, гипертрофированное чувство ответственности: теория домино справедлива не только для США — защищать Азию от скатывания в коммунистический лагерь, но и СССР — предотвратить распространение западной идеологии в дружественных странах.

Традиционно ответственность воспринимается как обязанность отвечать перед кем-то или чем-то за кого-то или что-то. Объектом коллективной или индивидуальной ответственности могут быть животные, окружающая среда, ценности и люди. Ответственность может быть как *перед* кем-то или чем-то, так и за кого-то или что-то. Первое состояние близко к обязательству, второе — к признанию вины.

Ответственность распространяется на политические и социальные институты, которые отвечают перед обществом и государством в целом. Приведу несколько вариантов проявления политической ответственности.

1) Ответственность *перед собственным народом* предполагает заботу о благополучии нации, защиту от внешних и внутренних врагов и пр.

2) Ответственность *защищать* в контексте «права на гуманитарную интервенцию». Цель такой ответственности — обеспечить безопасность людей, находящихся под угрозой в собственной стране. Угрозами могут быть репрессии, гражданская война, любые преступления против человечности и т. п. Понятие «ответственность защищать» введено в 2005 г. после терактов 9/11 на международном саммите ООН и предполагает коллективную ответственность всего мирового сообщества: если государство не в состоянии обеспечить безопасность собственного народа или делает всё, чтобы этой безопасности не было, международные политические институты имеют право вмешаться в ситуацию. Ответственность защищать включает в себя ответственность предотвратить, ответственность реагировать и ответственность восстановить.

3) «Право на гуманитарную интервенцию (ответственность защищать)» может перейти в «право наказать»: «17 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Карательную экспедицию в целях собственной защиты и чтобы наказать Сербию за убийство престолонаследника» 8. В таком контексте государство выступает в роли «полицейского», разыскивающего преступника, которого необходимо привлечь к ответственности. Современные войны в Афганистане (с 2001 г. по настоящее время) и Ираке не-

которыми исследователями рассматриваются именно как полицейские войны.

4) Ответственность *защищать*, что для страны значит быть «кредитором» (не только финансовым). В такой ситуации страна может сама на себя брать ответственность перед отдельными государствами, поддерживать мир и порядок в конкретном регионе (даже при отсутствии военных действий или явных преступлений против человечности), но это не предполагает обязательно интервенции или права наказать, это — самоощущение.

Понятие политики ответственности заслуживает отдельного исследования, в настоящей статье я остановлюсь на этом термине в контексте оправдания и объяснения причин вступления и участия в войне.

Первая мировая война и война в Афганистане в архангельских СМИ. В Архангельске в период Первой мировой войны выходили газеты «Архангельские губернские ведомости», «Северное утро», «Архангельск», «Архангельские епархиальные ведомости». Почти все издания были закрыты в первые месяцы после февральской революции. В советское время в Архангельске выпускались газеты «Правда Севера» и «Северный комсомолец».

Газета «Архангельск» имела объем четыре полосы, которые в 1914 г. были полностью заняты военной хроникой. Обычные рубрики: «В России», «За границей», «Военные действия», «Война и Архангельская провинция». Тон статей — подчеркнуто уверенный в победе. С октября 1914 г. на первой полосе печатаются объявления, репортажей становится меньше, увеличивается количество телеграмм. С ноября 1914 г. газета начинает выходить с купюрами, а с марта 1915 г. — первую, вторую и половину четвертой полосы занимают объявления. Купюры становятся обычным явлением. Летом 1915 г. газета становится более критичной, прежде всего в отношении военной цензуры. В номере от 31 июля был опубликован анекдот времен Крымской войны. Архиепископ херсонский Иннокентий, переживший осаду Севастополя, в проповеди провел параллель между пятью девами, которым не хватило масла, и бюрократами, по вине которых русская армия проиграла сражение на Альме: «Забытый анекдот крымской во-

ины не представил ли некоторой поучительности и для нашего дня? Не наступил ли и для нынешней войны „послеальминский“ период, когда можно уже не в притчах, а прямо говорить о том, что у нас слабо и требует починки»⁹.

Еще до начала Первой мировой войны Российская империя взяла на себя роль «кредитора», которому «ближайшая судьба Сербии не безразлична»¹⁰. С июня по октябрь 1914 г. архангельские газеты писали об ответственности России перед славянскими народами, именно поэтому страна вступилась за Сербию, начала мобилизацию и оказалась втянутой в войну: «России объявлена война. Больше нет места ни сомнениям, ни надеждам. Мирный исход из создавшегося конфликта оказался невозможным. Совершилось страшное дело. По вине Германии миллионы русских людей оторваны от своих мирных занятий и должны теперь принести искупительную жертву за честь и свободу России»¹¹.

Тема ответственности (десять материалов) за братские славянские народы поднимается в июле — октябре 1914 г., как раз в тот период до и начала войны, когда нужно сформировать максимально лояльное общественное мнение. В номере 151 газеты «Северное утро» говорилось об исключительной роли русского народа, который не только «обретет право всему славянству», но и защищает «свою родную землю»¹².

Враг «общеевропейской войны», как ее называли российские СМИ, был известен точно — Австро-Венгрия и Германия, или германизм: «...час столкновения германизма и славянства близок»¹³. Подобные фразы характеризовали войну как конфликт не между конкретными странами, а как между культурами и цивилизациями: «...грозная опасность германской гегемонии с перспективами бесконечного, всепоглощающего милитаризма, анархизм подал руку буржуазии, в этой мировой борьбе Россия выступила за права угнетаемых народов бок о бок с Англией и Францией»¹⁴.

В одном из номеров «Архангельск» напечатал статью Сергея Булгакова. «Русская государственность пропитана бюрократизмом с его национализмом немецкого образца... Русская культура

иссушилась европейской рациональностью», — писал он. Всё, что «made in Germany» имеет печать «чуждого и враждебного для нас духа», философ призывает искать истоки русской культуры в религии¹⁵. В этом ключе можно рассматривать войну как освободительную — когда «великая Россия освобождается от немцев»¹⁶. В октябрьском номере «Архангельска» появилась статья Владимира Соловьева «Оправдание войны», где философ приводит причины, почему Россия вступила в войну и почему война вообще имеет место быть: «Та война, которую сейчас ведут Германия и Австрия — война за торжество милитаризма и за порабощение мира немецкой казармой»¹⁷.

Газета «Архангельск» регулярно печатала обзоры международной печати, что было хорошим инструментом формирования внутреннего общественного мнения по определенным вопросам. Этим же методом активно будут пользоваться и советские газеты, цитируя прежде всего симпатизирующие коммунистические СМИ. В номере за 17 июля 1914 г. появился фрагмент из статьи газеты «Journal de Debats»: «Вне всяких сомнений Россия не допустит, чтобы Сербия осталась одна в неравной борьбе с Австрией. Франция и Великобритания также не останутся безучастными зрительницами конфликта. На карту поставлены честь Европы и интересы цивилизации. В Лондоне и Париже прекрасно понимают, что австро-сербский конфликт — дело всей Европы. Разгром Сербии на глазах Европы приведет к гегемонии Германии и к разгрому политическому, экономическому и торговому западной Европы и славянских земель»¹⁸.

На протяжении зимы 1914 и в течение 1915 г. СМИ взывали к чувству коллективной ответственности граждан через объявления о пожертвованиях, благотворительной помощи, призрении детей-сирот — всё это можно обозначить одним словом, часто встречающимся в газетах, «Жертвуйте!»: «Россия теперь должна только защищаться и уже не от нее зависит мирный исход. Высоко ответственное дело. От граждан России потребуются тысячи жертв и горе отдельных семей скроется в глубине общенационального горя»¹⁹. Эта тема развивается вплоть до апреля 1915 г. в 22 материалах.

Другой поворот темы ответственности — это ответственность солдат и всех, кто может быть мобилизован: «Русский народ всегда горячо откликался на призыв о помощи всем славянским народам, своей кровью защищал их жизнь и свободу. Он ли забудет теперь свою страну!!!»²⁰ Регулярно эти предложения сопровождались словами «за Царя, веру и Родину готовы отдать жизнь».

Газета «Северное утро» с первых же номеров взяла победный тон и регулярно описывала жестокости немцев и ужасы войны, характеризуя словами освобожденного из плена русского солдата, что это — «не война, а варварство». Журналисты издания создавали образ освободительной войны, лозунг которой — свобода, «свобода народов Европы от германского милитаризма»²¹. Газета не проводила такого четкого разделения ролей, как это делал «Архангельск». Российская империя в представлении «Северного утра» борется наравне с другими странами: «Война титанов, побоище Голиафов, Голиафы духа борются с Голиафами кулака, солнце правды померкнет над землею, если одолеют страшные, с косматыми душами, ублюдки тьмы»²². В этом же номере говорилось об исключительном положении России — еще и потому, что за спиной Англии стоят США, Франция тоже имеет союзников в лице Испании, Италии и Португалии, в то время как Россия — одна.

Резкая перемена происходит в газете после февраля 1917 г.; прекращаются недельные военные обозрения, понятия свободы и ответственности приобретают новый смысл: «Прекрасную жизнь принесла моей родине великая свобода»²³. Временное правительство вызывает не столько к коллективной ответственности солдат, сколько к чувству вины: «Спасайте свободу! Спасайте родину!»²⁴ Повернуть назад, сдаться или воевать не в полную силу означало поступить безответственно по отношению к только что освободившемуся от царизма народу.

Советские лидеры сознавали, что никакими культурными традициями невозможно объяснить помощь братскому народу Афганистана, единственный выход — усилить риторику холодной войны и политической преемственности. Для воплощения первого нужны были образы врага и угрозы, в чем региональ-

ные СМИ следовали за центральными изданиями: краски были контрастными, никаких оттенков. Об участии ОКСВ в военных операциях «Правда Севера» не сообщала вплоть до 1987 г., что на два года позже центральных газет. Воспоминания, интервью, очерки о военных буднях советских солдат появлялись примерно раз в год. В отличие от центральных газет, региональная «Правда Севера» не публиковала разоблачений, обвинительных статей против политиков, принимавших единолично решение о вводе войск в Афганистан. Архангельская газета подняла вопрос иного вида ответственности — общественной и государственной перед ветеранами. Статьи на эту тему стали появляться в 1990 г.: «Полмиллиарда для „афганцев“», «В долгу неоплаченным», «Отдалим ли долги „Долгу“?», «Кто не служил в ВДВ, пусть радуется». Содержание этих материалов сводилось к перечислению проблем, с которыми ежедневно сталкивалась региональная ветеранская организация «Долг», и призыву к ответственности властей. Одна из статей проводит прямое сравнение между СССР и США: «Жаль, конечно, что в нашей стране — не в Америке, где помнят не только славные страницы своей истории, но и бесславные, горькие»²⁵.

Крылатой фразой времен перестройки стали слова «Я в Афганистан не посылал» — красноречивое свидетельство отсутствия реальной ответственности перед солдатами и ветеранами. Ответственность, которую пытаются навязать, но обосновывая ее не глубинными культурными традициями и связями, а внешней, иногда зыбкой, политической преемственностью, не воспринимается обществом как коллективная ответственность, которую нужно разделять. Тому есть несколько причин: цензура, отсутствие информации о боях, поражениях, победах, что уже говорит о неуверенности властей в возможности адекватно донести причины участия в гражданской войне в Афганистане; смена политического курса при подчеркнутом отстранении от политики прежней власти.

Ответственность в послевоенной риторике. Формирование исторической памяти о событии начинается еще до начала самого события. Когда страна только готовится к войне, одной из

задач государственной власти является сформировать лояльное общественное мнение, заручиться поддержкой общества в решении вступить в войну или начать войну. Первая мировая война и война в Афганистане имеют общее — переломный момент. В 1917 г. произошла революция, сменилась власть, некогда союзники превратились во врагов, и Первая мировая война, в затягивании которой, жертвах в русской армии виноват империализм, должна быть завершена как можно скорее. Это была «освободительная» война не столько от «германского милитаризма», сколько от прежней царской власти.

Восприятие войны в Афганистане в период перестройки также отличалось от «эпохи застоя» — ответственность за участие СССР в гражданской войне в ДРА полностью лежала на единолично принявших решение отправить ОКСВ в декабре 1979 г., а время освещать конфликт было уже упущено.

В обоих случаях рассогласование источников и механизмов формирования исторической памяти привело к фрагментарному знанию о реальной войне, цензура и государственная политика привели даже к отрицанию истории и нежеланию знать прошлое.

В 2001 г. Социологический центр Российской академии государственной службы провел опрос почти 2,5 тыс. респондентов. Им задавали вопрос, какие события истории России вызывают гордость, а какие — горечь и стыд. Символами гордости были названы развитие космонавтики, победа над фашизмом, научные достижения, культура и искусство, создание военной техники. К отрицательным событиям респонденты отнесли войну в Чечне, сталинские репрессии, горбачевскую перестройку, войну в Афганистане и развал СССР. Первая мировая война не попала ни в одну из категорий, что частично можно объяснить ее «забытостью».

Как полагает Е. Мещеркина²⁶, воспоминание — это всегда интерпретация, осуществляемая в полемике и дополнениях. Этот процесс включают разные формы исторической памяти. Полемика начинается с вопроса «А что мне известно о войне?» Если — «ничего» или «почти ничего», начинается процесс «открытия» события (войны). Но и в этом процессе «открытия» ин-

дивидуальное сознание обращается к коллективной памяти и «вспоминает» лежащий на поверхности миф / образ события.

К столетию Первой мировой войны в России запустили проект «Великая забытая война», цель которого — сохранение культурно-исторической памяти о событиях, героях, судьбах и сражениях войны. Говоря о войне в Афганистане, журналисты используют тот же эпитет «забытая» (М. Кожухов). Цензура и политическая конъюнктура определяли восприятие событий. Интересна и смена оценочных полюсов: Антанта из союзника превратилась во врага, помогавшего белогвардейцам, в то время как Соединенные Штаты Америки, «мировой жандарм» и империалист, стали страной с передовым опытом преодоления посттравматического синдрома — имеется прежде всего взаимопомощь ветеранов войн во Вьетнаме и Афганистане.

Примечания

- ¹ Бердяев Н. А. Судьба России (сборник статей 1914–1917). М.: Сов. писатель, 1990. С. 177.
- ² Там же. С. 181.
- ³ Соловьев Вл. Оправдание войны // Архангельск. 1914. 2 окт. С. 4.
- ⁴ К войне // Архангельск. 1914. 22 июля. С. 1.
- ⁵ В защиту Афганской революции // Правда Севера. 1980. 16 янв. С. 1.
- ⁶ Мы себе верны // Архангельск. 1914. 28 сент. С. 1.
- ⁷ Mills C. W. The politics of responsibility / The New Left Leader / ed. by Cark Oglesby, New York: Grove Press, Inc., 1969. P. 24.
- ⁸ Австро-Сербская война // Архангельск. 1914. 17 июля. С. 2.
- ⁹ Имайлов А. Притча о пяти девах // Архангельск. 1915. 31 июля. С. 2.
- ¹⁰ Накануне войны // Архангельск. 1914. 15 июля. С. 2.
- ¹¹ К войне. С. 3.
- ¹² Альпин. За светлое будущее // Сев. утро. 29.07.1915. 29 июля. С. 1.
- ¹³ Накануне войны.
- ¹⁴ Тютчев Н. Забвение // Архангельск. 13.09.1914. 13 сент. С. 1.
- ¹⁵ Булгаков С. Поверженный кумир II // Архангельск. 1914. 4 сент. С. 2.
- ¹⁶ Мы себе верны.
- ¹⁷ Соловьев Вл. Указ. соч. С. 1.
- ¹⁸ Австро-Сербская война.
- ¹⁹ К войне. С. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Кузьмин-Караваев В. Задача войны // Сев. утро. 1914. 18 сент. С. 1.

- ²² Будем тверды // Сев. утро. 1914. 13 окт. С. 3.
²³ Виллиам Г. Поменьше страха // Сев. утро. 1917. 30 июня. С. 2.
²⁴ Оскорбление национальной чести // Сев. утро. 1917. 1 июля. С. 2.
²⁵ Галунов А. Отдадим ли долги «долгу»? // Правда Севера. 1991. 2 апр. С. 3.
²⁶ Мещеркина Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: ежегодник-2005 / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т социол. РАН, 2006. С. 198–213.

N. S. Avdonina

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

THE CONCEPT OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY IN MEDIA DISCOURSE OF JUSTIFICATION OF WAR

The author conducts comparative content analysis newspapers issued over the period of the World War First and war in Afghanistan (1979–1989). The author scrutinizes the concept of responsibility, which has had different interpretations depending on stages of war — before, during and after the conflict.

Keywords: World War First, the war in Afghanistan, historical memory, Arkhangelsk, mass media

Е. С. Бабкина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

ЯПОНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В МАНЬЧЖУРИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена изучению периодической печати для детей русского зарубежья Дальнего Востока. Анализ публикаций популярных аполитичных и политизированных детских изданий дальневосточного

зарубежья дает основания утверждать, единой тенденцией для всей детской периодики дальневосточного зарубежья на протяжении 1930–1940-х годов стало неуклонное усиление политизации, обусловленное событиями внешней политики Маньчжурии.

Ключевые слова: детская периодика, русское зарубежье, Маньчжурия, японская оккупация.

С 1898 г. русское население проживало компактными поселениями на специально отчужденной Китаем территории. Заселение русскими Китая было предопределено общей границей и историей российско-китайских отношений, одним из значимых результатов которых стало строительство Китайско-Восточной железной дороги и возведение русскими города Харбина. После Гражданской войны и падения Дальневосточной республики эмиграция россиян за пределы Российской империи, в том числе в восточном направлении, приобрела массовый характер. Начало 1920-х годов характеризуется активным развитием экономической деятельности эмигрантов в Маньчжурии, в том числе и издательской.

В отличие от своих европейских соотечественников, сосредоточивших внимание на газетах и журналах для взрослых, эмигранты в Северо-Восточной Азии обратились к выпуску печатных изданий для детей и молодежи. Как в составе «взрослых» изданий (в качестве вложений и приложений), так и в виде самостоятельных газет и журналов они составили значительную часть рынка русской периодики за рубежом.

Изучение истории возникновения и развития детской периодики русского Китая 1920–1940-х годов способствует многостороннему осмыслению журналистики дальневосточной диаспоры, в значительной степени развивавшейся под воздействием внешнеполитических изменений в регионе.

Типологически детские периодические издания дальневосточной эмиграции можно разделить на политизированные и деполитизированные. Первыми по времени возникновения стали деполитизированные газеты и журналы.

Одним из первых детских периодических изданий русского зарубежья Дальнего Востока стал журнал «Ласточка», выпу-